

A close-up photograph of a weathered, dark stone face sculpture, likely a Buddha or deity. The face has a serene expression with closed eyes and a slight smile. Several bright green leaves are placed around the sculpture, some overlapping its features. The background is a plain, light color.

Светлана Сысоева

По дороге в Азии

Путевые заметки

С. В. Сысоева
По дороге в Азии.
Путевые заметки

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25912676
ISBN 9785448568510*

Аннотация

Размышления о смысле жизни в Непале. Дань уважения городу, которого нет, на Сулавеси. Деревенский быт на Ломбоке. Культурная перезагрузка на Бали. Контрасты Куала-Лумпура. Большое путешествие по Монголии десять лет спустя. Путевые заметки «По дороге в Азии» – это ежедневная лирика и философские наблюдения этнопсихолога, путешествующего с рюкзаком.

Содержание

От автора	5
Индонезия. Бали	7
Индонезия. Сулавеси	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

По дороге в Азии Путевые заметки

Светлана Сысоева

© Светлана Сысоева, 2017

ISBN 978-5-4485-6851-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Десять лет назад я отправилась в большое этнографическое путешествие по маршруту Австралия – Восточный Тимор – Индонезия – Малайзия – Непал, в каждой стране жила от трех месяцев до года. Темой моей дипломной работы на факультете психологии МГУ была «Адаптация к инокультурному окружению» – можно сказать, что я поехала отрабатывать диплом на практике.

В пути я написала «Путешествия без турагентств. Как посмотреть мир, сэкономить деньги и вернуться невредимым», книга вышла в издательстве Питер в 2011 году. Вела блог *tasmania_gal* в жж. И сотрудничала с журналом «Восточная коллекция» Российской государственной библиотеки – в нем были опубликованы статьи о культурных и религиозных традициях малых народов Юго-Восточной Азии, они вошли в книгу «Острова летающих кораблей».

В книге «По дороге в Азии» – наблюдения за самим собой. Как меняются мысли, чувства, привычки, реакции при трансформации человека обычного в человека-путешественника. «Весь мир – площадка для твоих игр» – звучит прекрасно, но чтобы девиз стал явью, пришлось потрудиться.

Кому-то может показаться, что в каждой главе примерно одно и то же. Может быть так, а может и нет. Я писала

о себе и про себя, про свое пространство и про свое время, которое мне понадобилось для переосмысления прошлого, принятия настоящего и изменения себя. Окажется книга полезной кому-то еще – хорошо. Покажется интересной – прекрасно. Выступит развлечением в выходные дни – буду только рада.

С уважением,
автор.

Индонезия. Бали

Нельзя одновременно писать статьи и выискивать антикварные бусы. Либо одно, либо другое. Когда пишешь, больше ничего делать не получается. Настрой сбивается моментально. Так что я возвращаюсь к сочинительству.

Бали, 16 сентября 2009 года

Бали переменчив как погода. То сводит с ума, то отвечает взаимностью. В основном, первое. Особенно, если не в настроении, если дел уйма, если по жаре приходится бегать туда-сюда.

Бали разговаривает с тобой отрывисто, полупапеками. Бежишь, не видишь ничего, вдруг – картинка. Одна, вторая, третья. Можно и не заметить. Можно мимо пробежать, а можно в повседневности балийской что-то для себя увидеть.

Солнце слепит глаза, отражаясь от зеркал суетливых скутеров, дымкой застилая пляж, сковывая движения ленивых торговцев. Поток машин роет себе путь из туристической темницы вверх, в горы. Черно-белая клетка ткани в местах подношений злым духам добавляет разброса в общую суматоху.

Ты бежишь и нажимаешь на кнопку фотоаппарата наугад. Один силуэт, второй, третий. Бали прорывается к тебе че-

рез объектив, застывает неподвижным изображением ежедневной балийской жизни, требует к себе внимания и поговорить.

Разговор с Бали – пара слов, пара фраз, парафраз. Увидел – не понравилось – перефразировал – полюбил. Довольно просто, усилий не требует, мозгом шевелить по жару необходимости нет никакой.

Пробежался по улице, пришел домой, фотографии просмотрел, главное вытащил, резкости добавил и цвета. Получился настоящий Бали. Белесый, но радужный, торопящийся, но сумевший в нужный момент остановиться.

ДВЕ СТРОЧКИ

Когда на Бали приезжаю, почему-то не могу написать ни строчки. По магазинам ходить могу, бусины покупать, бусы из них делать без остановки, с Азизом разговоры разговаривать и даже туристов встречать. Писать не могу совсем. Как не крути. Открываю ноутбук, две строчки из себя выдавливаю, и все.

Азиз на меня сегодня смотрит и аккуратно так замечает: изменилась. Выглядишь, говорит, как настоящий турист, нет-нет, не подумай чего, не как австралийцы эти... Азиз делает круглые глаза, машет руками, пишет на груди жестом Bintang и резко откидывает туловище назад.

Раньше как писатель – смотрит на меня Азиз. Видно бы-

ло, что как писатель. Видно было, что не важно тебе, как выглядишь. Сейчас как турист. Элегантный турист, одежда, украшения.

На мне штаны и топ из Zara, бутанская полосатая торба через плечо и три браслета собственного изготовления на запястье. Турист, западный иностранец, не новичок в этих краях, но все равно турист. Хозяйка снимаемого мной бунгало сказала, что я похожа на полукровку. Смесь наших и ваших. Вы, россияне, – азиаты, добавила она. Вот к тебе и на бахасе обращаются.

Азиз, отвечаю, не могу на Бали писать. Не знаю, почему. Может в воздухе чего – Бали идеален для бизнеса, если бегаешь быстро и торговаться умеешь, можно не только на nasi goreng зарабатывать.

Я про одежду еще в Малайзии размышляла много. Ведь одежда – это не только цвет и фасон. Одежда – это энергия. Энергия от ткани, от формы, от того, кто ее выкраивал и сшивал. Я на Бали не могу для себя ничего купить. Меряю одно, второе, третье – эффект, как будто в макдональдсе съест что-нибудь, чужеродное, не твое. Ты такой спокойный и плотный, тело гудит, басом вибрирую. У-у-у-у... Вдруг в тебя молотом ударяют и расшатывают, амплитуда все больше и больше, как будто что-то бьет изнутри, то в одну сторону, то в другую, ты мечешься, бежишь одновременно в двух направлениях.

Может надо голышом? Для чистоты эксперимента? Что-

бы понять, где ты, где одежда, где в тебе до сих пор бигмак, а где фуа-гра затесалось по ошибке – потому что кому как, а фуа-гра тоже не мое. Некоторые носят Мiu-Мiu, для меня это чересчур. Раньше силу проверяли сложностью костюма, сильная если царевна – головной убор килограмма на три несет как невеста фату, одно целое она с такой одеждой. Я же не могу, мне бы чего попроще, чтобы не отвлекало, чтобы тяжестью не давило, чтобы проходящие мимо не замечали.

Одежда красит или силу дает? Если ты корону на себя надеть не можешь, ты слабый или не твое это? Если тебя от черного цвета воротит, в тебе его много или он не нужен тебе? Если ты купил сто тридцать третью оранжевую майку, в тебе энергии этого цвета не хватает или же подобное подобным притягивается?

Похоже с Бали уезжать пора. Неужели снова в Непал? В Непале, кроме как писать, больше делать нечего. Уехать в деревню, в Боду, в ритрит... Чтобы ничего круглого, стеклянного, узорчатого, с дырочкой под леску или тесьму не отвлекало. Но я же буду по Бени скучать. У Бени, как и у меня, любовь к бусинам. У нас на почве этой любви новая зарождается, несмело пока еще, когда он бусину берет и мне протягивает, чтобы еле заметно руки коснуться. С Бени можно долго разговаривать, дольше, чем с Азизом. Азиз потому что коммерсант, а Бени всего лишь бусы делает и хранит их. У него под стеклом на прилавке этнографический музей и антикварная лавка. Я к нему как Марко Поло приезжаю,

достаю диковины из холщовых мешочков, подставляю ажурным боком под свет от маленького фонарика, и мы смотрим как узор вспыхивает прозрачным огнем и на миллионы бликов распадается, которые, отталкиваясь друг от друга, взлетают вверх.

МЫСЛИ РАЗНЫЕ, ПРО СВОБОДУ И НЕ ТОЛЬКО

Мысли разные лезут в голову, а собрать их воедино не получается. Я в совместный проект ввязалась, но меня на второй месяц совместимости мысли о свободе посещать начали. Мысли-желания бросить все и удрать в пампасы, где ты один, где можно делать, что хочешь, ни на кого не опираться, ни от кого не зависеть, ни под кого не подстраиваться, ни о ком не заботиться, кроме себя.

Свобода – она не то, что мы под свободой понимаем обычно. Свобода в смысле, что энергия, что в тебе течет, ни с какой другой энергией не смешивается. Многие ищут места силы или великана какого для подпитки. А мне это все не надо. У меня энергия своя куда интереснее, чем любые смеси на ее основе. Как будто я сама – это волшебное зелье. А если объединяюсь с кем-то – в него кока-колу подливают или спрайт или сок какой на порошковой основе. Получается вроде зелье, а бессмысленно. Даже если чужая энергия интересная как кино или музей, со своей собственной все равно лучше, не потому что она высшие баллы получает за креативность,

а потому что она твоя. Ты ее как только чувствовать научаешься и от накопившихся за жизнь примесей избавляешь, больше ни с чем мешать не захочешь.

У меня с Бали в этот приезд любовь возникла. Неожиданно. Я на Бали всегда ругалась, а сейчас неделю ходила и не переставала удивляться. Какой же интересный мир здесь придумали. Не думайте про индуизм, посмотрите на изысканность узоров на одежде. Шла вечером по улице Легиан, она украшена соломенными фонарями под праздник, и улыбалась. Думала на Бали остаться, снять бунгало, сделать визу на год и даже фотостудию открыть, как меня в Непале упрашивали. Но в Непале я жить не хочу, а на Бали, оказалось, очень даже можно. Называла «островом, где нет любви», а любовь неожиданно возникла, или я ее с собой привезла – кому нужны причины, когда следствие тебя заполняет, и тебе хорошо.

Пришлось уехать, как обычно, сорвавшись, покидав вещи в рюкзак. Сижу в Макассаре, доделываю рабочие хвосты. Один материал дописать надо, второй, третий. Комната маленькая, на улице до +40С доходит, с едой так себе. Она есть, но невкусная. Работать, правда, можно. А на Бали нельзя. На Бали можно бусы покупать, гулять по пляжу и фотоаппаратом забавляться. Можно вести душевные беседы с внезапно появившимися друзьями, можно на машине в центр острова уехать и на зеленые рисовые террасы смотреть. Можно просто по улицам ходить и наблюдать, как ту-

ристы приезжают на Бали за любовью. Расправляют плечи, покупают платья яркие, модные шляпы и украшения. Садятся на скутер и вспоминают, что когда-то были лихими ковбоями или красавицами знойными, но пришлось все это в долгий ящик убрать, смешаться с толпой и жить по чужим законам.

PS. Если бы люди вместо того, чтобы обсуждать чужую жизнь, строили свою, им не надо было обсуждать чужую, потому что у них своя была бы в разы интереснее.

МАЛЕНЬКАЯ МАМА

Джим на Бали живет. Я у них иногда комнату снимаю. Джим китаец, но с американским гражданством – в пятьдесят каком-то году его семья эмигрировала. Джим в Америке жил, бизнесом занимался, потом на Бали переехал.

Давным-давно, когда Джиму только год исполнился, одной китайской семье он так приглянулся, что они решили мальчика усыновить. У Джима родители свои были, но процессу усыновления это не помешало. Провели церемонию, объявили всенародно, и стал Джим обладателем второй мамы и второго папы.

Скоро сказка сказывается, но не скоро дело делается. Второй папа умер через некоторое время, умер смертью насильственной, тогда в Китае беспокойно было. А служил он главой артели конных перевозчиков. Большой человек – пере-

возчики транспорт собой заменяли на огромной территории, в горах между провинциями Сычуань и Юньнань. До своей смерти успел второй папа объявить Джима приемником; перевозчики отпечаток пальца ставили на бумаге и клялись на верность.

После смерти мужа вторая мама к коммунистам присоединилась. Истории слагали, как она против японцев сражалась. Большим мастером кунг-фу была. Имя ей дали «смеющееся лицо», потому что улыбалась всегда. Потом она бросила все и уехала на ранчо далеко в горах. На ранчо прожила, не выезжая, пятьдесят три года. Удочерила двух девочек, те выросли, внуков родили. Семья животноводством занималась: яки, лошади, овцы.

Джиму родная мама наказала вторую маму найти. Только никто не знал, где она живет, сколько ей лет и как ее зовут по документам – только традиционное имя, она из малой народности «наси». Знали ориентиры: провинцию и направление. Больше информации не было.

Джим решил вторую маму – маленькую маму, как он ее называет – найти во что бы то ни стало. Собрал рюкзак, купил билет до Бангкока, из Бангкока долетел до города Куньмин, на поезде приехал в городок Лиджа. И начал искать.

Купил две карты туристические, открыл одну. На карте место: Tiger Living Gorge. Джим вспомнил: первая мама говорила, что ко второй маме надо ехать от Tiger Living Gorge вдоль реки Golden Sun до ее устья, оттуда до другой реки

и дальше через горы. Дороги нет, только местные тропу через расщелину в горе знают.

Так Джим добрался до Ниу, маленькой деревушки. Начал народ спрашивать, где живет старая женщина, которая много лет назад усыновила маленького мальчика. Может, остался кто в деревне из стариков, из перевозчиков или из военных. Нашли перевозчика, но «молодого», лет шестидесяти пяти, как раз как Джим. Тот спросил, кого Джим ищет. Джим рассказал историю про усыновление, а перевозчик вдруг произнес: «Так ты тот мальчик!»

Оказалось, что живет старая женщина на ранчо, до нее день пути на лошадях. Ехать никто не хотел, вернее, согласились сначала, потом отказались, потом согласились снова, когда Джим пообещал двух лошадей в оплату за услуги. Поехали. Выехали в жару, через два часа шторм, а у Джима из одежды три футболки и дождевик. Сказал, что мерз страшно, но думал только о том, что маленькую маму свою найдет.

Доехали. Зашли в дом, там старая женщина, седая. Говорит им что-то, а понять Джим не может. Переводчика нашли, Джим только начал: «Мы ищем...» – «Вы нашли ее», – сказала женщина и заплакала.

Не будем сказку деталями перегружать. Живут в тех краях большие мистики. Священная гора, духи разные – люди с ними разговаривают, договариваются, помощи просят. Джиму потом сказали, что маленькая мама ждала его. Четыре дня

молилась, чтобы погода хорошая была. Джим хотел подольше задержаться, но она сказала: «Ты сейчас поезжай». Джим уехал, и непогода свое взяла. «Я знаю, сюда приезжать очень дорого, – сказала Джиму маленькая мама. – Но ты навещай меня хотя бы раз в год».

У Джима план приезжать каждые полгода на два месяца. Потому что балийский период в его жизни закончился, вернее, не такой значимый стал. Теперь Джима прародина ждет, он к ней принадлежит и даже успел завоевать уважение. Местные на лошадях ездить в гору или с горы не умеют. Под уздцы ведут. А Джим умеет. Теперь про него истории рассказывают: «Вы видели, как он ловко на лошади». Джим говорит, что его маленькая мама, наверное, в такие моменты улыбается и говорит: «Это мой сын».

WARUNG BAMBOO

Уныние – человеческая производная. Нас в нем воспитывали, вкладывали его, передавали из поколения в поколение, как будто это ценность, как будто без него нельзя.

На самом деле нет в унынии необходимости, оно человеку несвойственно, с него легко переключиться, а постепенно и совсем забыть.

Каждый раз, когда в Warung Bamboo прихожу, думаю: какая я счастливая. Сажу на втором этаже на веранде, еда хорошая, тепло, планов много и улыбаться хочется.

Выберите момент счастливый, запомните или вспомните его и, как только уныние подкрадывается – бабах! – вызывайте картинку из памяти, цепляйтесь за нее, оглядитесь вокруг, выберите счастливое и как бусины нанизывайте одно к другому, получается такая цепочка счастья и с каждым разом вы легче «нет» говорите унынию, на лице появляется улыбка, а в голове мысль – какой я счастливый и как же хорошо жить на свете.

«DENPASAR»

Я улетала в дождь, я опоздала в аэропорт, мальчик на регистрации – табличка «closed» – улыбался, движения тонких рук плавные, на моем рюкзаке бумажная бирка «Denpasar», я бегу по длинному коридору к самолету...

Lima puluh lima, распорядитель такси признает за свою, я еду по вечерней Куте, тщетно пытаюсь вспомнить, в какой раз я приезжаю на Бали. В седьмой, сто двадцать третий или может тысяча сто одиннадцатый.

В комнате белые стены и пахнет краской. Я передвигаю кровать, затем еще раз, бегаю в тапочках по холодной плитке, вода холодная тоже, холодный воздух из кондиционера, холодные порывы ветра, волны на море под полтора метра, дождь, ливень, капли быют с размаха в окно, я закутываюсь в спальник и пытаюсь закрыть глаза.

Вайан из магазина соломенных сумок заходит издалека:

туристы, русские, по-английски не говорят. Байк арендовали, поехали ужинать, байк растворился в темноте навсегда. «Вы говорите по-английски, – осторожно продолжает Вайан, – может быть переведете. Там страховка, договор, надо платить триста долларов. Они по-английски не говорят, не понимают».

Вайан хороший знакомый, но я на стороне русских. Юлю и уворачиваюсь, начинаю извиняться заранее, что помочь не смогу, скорее всего. «Перевести нужно, – повторяет Вайан и смотрит в глаза, – ты почти уже наша, ты сколько на Бали – год?»

В магазин приходит турист, молодой человек лет двадцати восьми. Яркие штаны до колена, небрит, озадачен. Вчера карту кредитную здесь оставил. В голосе бойцовские нотки, парень готов к драке, делает шаг вперед. За прилавком две девочки и мальчик, мальчик достает карту, протягивает туристу, тот долго роется в кошельке, сует мальчику три скомканные бумажки. Три тысячи рупий, тридцать центов.

Я год на Бали, я смотрю на бумажки, мне стыдно. Мальчик разжимает пальцы, деньги падают на прилавок. Мне стыдно; я хочу извиниться за того, к чьему племени все еще принадлежу. Потому что я и там, и там, я и за тех, и за других, я хочу, чтобы все были счастливы – и Вайан, и мальчик, и даже турист. Я оплачиваю покупку и думаю, какой должна быть благодарность? Вспоминаю Вайана. Иду по длинному переулку в его магазин, говорю: «Вайан, завтра если поедем, днем

поедем. Днем, не утром».

ПРО СВОБОДУ

Мы с моим почти другом Бени разговаривали про свободу, сидя у него магазине бус. Он сказал, что в Индонезии свободы много, а в Америке ее нет. В Индонезии можно делать, что хочешь, и поэтому ты свободен. Можно мусор кидать где попало, а можно Феррари не иметь и не хотеть даже. Даже по бусам свобода в Индонезии есть. Можно купить бусину антикварную, а можно вместо нее бусину современную. Не разберешь, какая антикварная, какая нет, но и та, и другая будет стоить либо десять тысяч рупий, либо сто тысяч. И твоя свобода в том, покупать или нет, и брать за эти деньги ту или другую.

Я насчет свободы с ним согласна. Я про индо-свободу еще в Непале говорила, где ищущие духом проживают, потому что там свобода якобы. Я ищущим говорила: хотите свободы, в Индонезию поезжайте. В Непале свободы нет, потому что в Непале вообще не знают, что такое свобода. А как свобода может быть, если про нее либо не слыхивали, либо сравнивать не с чем.

Не знаю, как насчет свободы вообще, а в Индонезии она есть. Своя собственная, правда. Складывается впечатление, что там все свободны, но в определенных границах. Что как будто есть некий потолок, выше которого не то, что нельзя –

про то, что выше что-то находится, в Индонезии не знаю, и посему считают себя свободными. Смотришь на все и сравниваешь: в Монголии поют лучше, в Америке небоскребы выше, в Голландии каналы глубже, в Швейцарии денег больше, а в России...

Про Россию и Америку меня на Ломбоке случайный знакомый Чечет просветил. Он на золотом прииске работает. Сказал: интересное кино получается – где Америке стоит засветиться, тут же все разваливается. Америка, говорит, великий breaker – ломальщик, в смысле. А Россия – самая большая страна в мире. В ней еще Карл Маркс жил, великий реформатор. И Горбачев живет, тоже великий реформатор. Чечет Горбачева уважает, потому что он в истории след оставил и человек, похоже, хороший. Чернобыль в России есть, а раньше USSR было. Но как USSR расшифровывается, он забыл.

Чечет меня поразил своими знаниями. Он с Явы, в университете на педагога учился. По-английски не только говорит бойко, но и пишет без ошибок. Ну и что, что он расшифровку аббревиатуры забыл. В захолустной ломбокской деревне у одной женщины красная футболка с надписью СССР. Она думает, это си-си-си-пи, а мы сказали, что это аббревиатура большой страны, состоящей из пятнадцати республик, которые худо-бедно, дружили друг с другом, пока страна не развалилась.

В моем классе в школе разные ученики были, и русские,

и украинцы, и грузины, и евреи, и азербайджанец один. И никто никогда не дразнил друг друга за этническую или национальную – и тем более, религиозную – принадлежность. А таксист в Макассаре на десятой минуте разговора сказал извинительно, что он мусульманин, но не террорист ни в каком случае. Я про это в Индонезии уже не в первый раз слышу и противно все это... Противно, что мусульмане, которые не террористы, или еще какие народы или последователи религии, из-за каких-то духов не свободных, вынуждены оправдываться, что они не слоны и не белые кролики, поскольку мы все люди, а разница эта надумана.

Девушка в ломбокском захолустье сказала, что я, в смысле, миссис, красивая, потому что у меня кожа белая. Су, работник в гостинице, сказал, что он, как мужчина, красивый, конечно, но кожа у него темная. Семь месяцев назад не было такой темы. Тогда страдали, потому что нос короткий, а про кожу молчали как-то. Теперь вот – темная и взгляд печальный. Я ответила, что кожа-то белая, но у нас считают, что красивая – это смуглая и загорелая, поэтому многие на юг едут загорать или в солярии половину зарплаты оставляют. Не поверил Су, а мне интересно, кто это ему и другим деревенским жителям про цвет кожи рассказывал, каких передач они насмотрелись, с какой рекламой и кто вообще эту тему выдумал.

Насчет религии я девочку Лиз спросила. Лиз пятнадцать лет, она лучшая ученица в школе английского, и ходит в му-

сульманскую школу за пять километров от дома. Я спросила, что такое религия. Лиз засмушалась и ответила, что религия – это ислам. Я вопрос уточнила, но она не смогла ответить. Сказала, они арабский учат и Коран, ну и остальные предметы, как в обычной школе. Мне же не терпелось, я в очередной раз карту мира купила, стала детям показывать. У них как – географию начинают учить с седьмого класса, если пойдешь в него. Многие шесть классов заканчивают и хватит. Поэтому географию не знают, где какие страны находятся на карте, не представляют. Лиз нашла Эстонию и Перу. Россию я показала. Карта, правда, хитрая. По центру Индонезия расположена, а у нас до сих пор есть Ленинград, Свердловск и Куйбышев.

Впрочем, неважно все это. Единственная, кого тема свободы и красоты не волнует, это кошка черная ломбокская. Ее то, что волнует, это пожрать раздобыть – ради пожрать она готова гнусавый мяв свой тянуть минуты по две. А красивая она или свободная, кошке неважно. Если кошка сытая, она гуляет сама по себе или вальяжные позы принимает, сидя на коврик. Потому что, если она сытая, ей больше ничего не нужно, ни мыслей о главном, ни витаминов для красоты шерсти, вообще ничего. Ну, может, чтобы по спинке погладили, да за ушком почесали. На то они, кошки, и придуманы.

Индонезия. Сулавеси

Макаassar – город портовый. Макаassar – город не туристический. Самолет плавно садится на огромное блюдо рисовых полей, окаймленных переливающимися друг на друга горами. Вы с открытым ртом выходите в здание аэропорта и попадаете в хаос.

Прилетите в Макаassar, и вы поймете, в чем заключаются усилия балийской туристической полиции. В Макасарском аэропорту вас возьмут на бордаж вкрадчивые люди в растянутых майках, непрекращающимся шепотом предлагающие такси, экскурсию, автобусные билеты и прочие туристические услуги. Гоните одного взглядом, тенью появляется другой. Везете тележку одной рукой, чтобы второй покурить или почесаться, возникает третий, безмолвно хватается за поручень и тихо идет рядом.

Пираты, мать их, бугисы. Свирепые мореплаватели, вгоняющие в страх соседей, ныне промышляют торговлей и частным извозом. Потомки бугисов ловят вас на выходе из аэропорта, пытаются отнять красно-желтый талончик «такси», тыкают пальцем в эмблему транспортного кооператива и машут рукой, объясняя, что прямо и направо ждет вас личная шхуна с капитаном-водителем, который за восемьдесят тысяч индорупий отвезет вас хоть на край света, хоть на остров сокровищ, хоть на аудиенцию к самому Дже-

ку Воробью.

Немой парень свистит в свисток, отгоняя машины от бордюра. Делает зверское лицо и выстреливает жилистыми руками в разные стороны. На мизинце огро-о-омный ноготь, с шумом разрезает воздух на две половины, не успевает склеить, воздух большими кусками плашмя падает на тротуар, дрожит как желе и растекается чавкающими сгустками вам под ноги. Заезаетесь, вот уже кандалы на ногах, вот уже вы на баркасе среди других подневольных, в унисон поднимая и опуская весла в жаркую топь макасарского пролива.

Макасарский аэропорт... Впрочем, довольно лирики. Я хотела про Макассар написать. Про Макассар, который голландцы строили. Про форт, про пристани, про тротуары и мостовые. Пошла на набережную, огляделась – Макассара голландского нет давно. Нет города, который кому-то дорог был. Город, который возводили как крепость, завоевывали, обороняли.

Нет его больше, Макассара голландского. Он взгляду является в другом измерении. Прозрачной картинкой в воздухе трепещет, пройдешь сквозь него и не заметишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.